

А. В. Шестаков (Хабаровск)

ЖАЛОВАННЫЙ КОРТИК ИЗ ФОНДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ

В ФОНДАХ Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (ХКМ) хранится один экспонат, история которого до последнего времени представляла загадку. Это наградной кортик (ХКМ КП 14105/1) (ил. 1). Клинок у него короткий, однолезвийный, железный. Вероятно – кованный, кустарного изготовления. Общая длина кортика 56 см, длина клинка 43 см,



Ил. 1. Жалованный кортик «Охотского ведомства».
ХКМ им. Н. И. Гродекова. ХКМ КП 14105/1. Фото А. В. Храмцова

ширина 3 см. Между пятой клинка и эфесом навита в два витка проволока диаметром 3 мм. Наибольший интерес представляет эфес кортика. Он литой, вероятно – бронзовый. Представляет собой стилизованную фигурку пушного зверя. Голова зверька с выделяющимися прижатыми ушами и передние лапы являются навершием рукояти, тело – самой рукоятью. Задние лапы и загнутый над спиной хвост образуют гарду. От задних лап к передним отходит лента, представляющая собой дужку гарды. На ленте с правой стороны выгравирована надпись. По всей поверхности эфеса, кроме ленты, нанесены короткие росчерки, имитирующие меховой покров. Длина эфеса – 13 см.

В 1926–1927 гг. в Дальневосточном крае проводилась перепись его «северных окраин». Маршрут (около 1500 км) – по северной части Охотского побережья у эвенков, в пределах Ольского

района, – с 25 сентября 1926 г. по 16 августа 1927 г. прошел переписчик Б. А. Чернявский¹. Летом 1927 г. председатель туземного Совета в Ольском районе передал ему «Тунгусский (эвенки) родовой кортик», который Б. А. Чернявский, в свою очередь, передал в Хабаровский комитет Севера в ноябре 1927 г. Дальневосточный комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) возглавлял тогда К. Я. Лукс, одновременно работавший уполномоченным Главнауки на Дальнем Востоке и директором Хабаровского краевого музея. Именно Карл Янович и доставил этот «родовой кортик» 20 ноября 1927 г. в музей, тогда же он получил свой первый музейный номер – «инв. № 8544».

На правой стороне дужки гарды кортика выгравирована надпись: «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА УКЖУРСКОГО» (ил. 2). Анализируя особенности надписи, можно сделать следующие выводы по времени ее создания.



Ил. 1. Жалованный кортик «Охотского ведомства». ХКМ им. Н. И. Гродекова. ХКМ КП 14105/1. Фото А. В. Храмова

Приемы начертания отдельных букв более всего соответствуют периоду с 1733 по 1787 гг. Такое название начальника рода как «князец» широко было введено в Сибири после утверждения «Устава об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Согласно ему, «управление кочевых инородцев» составляла «особенная Родовая Управа» и «Начальник под именем Тайши, Князца, Улусного голо-

вы, Тоена», причем при взаимодействии с правительственной администрацией все они назывались старостами². Термин «ведомство» по отношению к Охотскому краю встречается в источниках конца XVIII – начала XIX вв.

Больше всего информации дает словосочетание «УКЖУРСКОГО РОДУ». В 1648 г. в северной части Охотского побережья в устье реки Мотыхлей (сейчас – окрестности г. Магадан) было основано Тауйское зимовье, давшее название побережью Тауйской губы. Оседлых жителей Тауйского побережья, живших в поселках Армань и Ола, кочевые эвенки всегда выделяли и называли их «мэнэл», что означало «сидячие», «живущие на одном месте». Они представляли собой автохтонное население

с палеоазиатским чертами в хозяйстве и культуре. Арманский диалект эвенского языка относят к особому, исчезнувшему в настоящее время тунгусо-маньчжурскому языку, в котором сохранилось много архаического³. Основной существования мэнэл было рыболовство, морской промысел⁴. Прибрежные эвены в прошлом были надежной опорой гарнизона тауйского зимовья. Они были задействованы в военных действиях между коряками и русскими в 1730, 1748, 1751, 1753, 1755 гг., участвовали в закладке Гижигинской крепости⁵. В XVIII в. у «пеших тунгусов» (мэнэл) сформировались и свои этнически-территориальные родовые названия – типа «укчерский» или как на дужке – «УКЖУРСКОГО РОДУ» и т. п. Первое известное нам упоминание имени этого рода относится к 1702 г. Тогда приказчик Тауйского зимовья Степан Осипов упоминал приход с «Олы реки пеших тунгусов Абдарского [Угжурского] рода Кагун с родниками, Бодыня с родниками...»⁶. Первое упоминание этого рода под названием «Укжурского» относится к 1741 г. Он был тогда перечислен среди родов пеших тунгусов, находящихся в ведомстве тауйской ясачной избы⁷. В материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Восточной Сибири (Иркутской губернии) этот род был указан среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте» Гижигинского уезда⁸. Последнее известное нам упоминание данного названия относится к 1858 г. Тогда были составлены очередные ясачные списки Охотской администрации, и тунгусы, проживавшие в селе Армань, были отнесены к «Огжурскому или Укжурскому» роду⁹. В материалах Всероссийской переписи 1897 г. этот род был обозначен уже под именем «оседлых арманских»¹⁰. Соответственно, исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что надпись «УКЖУРСКОГО» на кортике была нанесена в конце XVIII в.

Подобный кортик с литой рукоятью в виде пушного зверя представлен в экспозиции Охотского краеведческого музея имени Е. Ф. Морокова (ОМКПОФ 629). У него на дужке рукояти в таком же стиле, как и на вышеописанном кортике, написано «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА ДОЛГАНСКОГО»¹¹. «Долганский род», также как и «Укчжурский» указывались в материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Восточной Сибири (Иркутской губернии) среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте»¹². Кортик был найден жителем Охотска Е. Г. Борисовым на окраине поселка, «в земле,

взрыхленной гусеницами трактора», и подарен музею в 70-е годы XX в¹³.

Такой вид оружия как кортик (колющее холодное оружие с коротким двулезвийным, реже однолезвийным прямым клинком) появился в конце XVI в. и первоначально применялся как оружие абордажного боя. В России оно появляется начиная с XVIII в.¹⁴ Тогда же сформировался и обычай вручения наградных кортиков представителям туземных народов Сибири.

Упадок ясачных поступлений из Сибири, злоупотребления ясачных сборщиков вынудили правительство Екатерины II реформировать налоговое обложение. В 1763–1769 гг. в ходе ясачной реформы была проведена перепись ясачного населения и подтверждено закрепление ясачных за родами. Чтобы заинтересовать князцов сбором ясака, за исправный и бездоимочный платеж им стали выдавать как подарки (в виде сукна, табака, изделий из меди), так и знаки различия (кортики, медали)¹⁵.

Так, например, в 1791 г. были «награждены из казны кортиками» после приведения к присяге несколько чукотских тоенов¹⁶. Такая практика продолжалась до середины XIX в. В первой половине XIX в. охотский фортмейстер Круз пожаловал кортик в серебряной оправе «родовому коряке Ятхигину Эвлохову» за участие, которое он проявил «в скудные пропитанием 1816, 1817, 1818 годы» к жителям Гижиги, «составляя табуны оленей в пользу русских»¹⁷. В 1872 г. Комитет министров рассматривал предложение колымского окружного исправника барона Майделя о праве носить чукотским головам и старостам кортиков не в виде награды, а как знак должностного лица. Он обосновывал это предложение тем, что «жалуемые Правительством кортики составляют у инородцев ... особое отличие и передаются ими из потомства в потомство». Эта мера должна была поощрить чукчей «к успешному сбору ясака и для того, чтобы чукчи смотрели на своих старшин и родоначальников как лиц, которым дана власть управлять ими и собирать ясак». Император утвердил решение, согласно которому чукчи получили право носить кортики «по образцу тех, коими награждались вообще инородцы, но только с тем, чтобы кортики эти служили только знаком должности, а не наградою и при смене одного лица были передаваемы другому, вновь избираемому должностному лицу»¹⁸.

Во время строительства в 1909 г. телеграфной линии Якутск – Охотск начальник Иркутского почтово-телеграфного округа

Р. Ю. Зонненбург дважды, в марте и в мае–августе, проехал по трассе. Одним из итогов этих поездок стало издание им своих заметок об этих поездках. Рассказывал он в них и о встрече на почтовой станции Кетанда со старостой 2-го Уяганского рода тунгусом Гавриилом Петровичем Нориным и отдельно указал, что «знаком власти у него служит кортик с надписью «"ОХОЦКАГО ВЪДОМСТВА, УЯГАНСКАГО ВТОРОГО РОДА КНЯЗЦУ Е. П" (известный вензель)»¹⁹. Второй Уяганский род также указан в материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Гижигинского уезда Иркутской губернии среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте»²⁰.

В музеях России хранятся подобные кортики, но в более полной комплектности. Так, например, в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского хранится наградной кортик (КП-11865/) длиной 56,5 см. Его клинок также прямой, однолезвийный, длиной 45 см и шириной 2,5 см. Но на пяте клинка с правой стороны выбита надпись «ИРКУЧІКЪ» (Иркутск), с левой стороны – «1771-году». Рукоять медная, в виде «соболя», с дужкой, на которой выгравирована надпись «НАМСКОГО УЛУСУ-5 НАМСКОЙ ВОЛОСТИ», выполненная в той же манере, что и на кортике из Хабаровского музея. Кроме того, у кортика между клинком и рукоятью с внешней стороны помещен щиток в виде перевернутого сердца с вензелем императрицы Екатерины II (ЕЕ II) и неразборчивой надписью по краю «НАГРАЖДЕНЪ ЗА...»²¹. В Государственном историческом музее хранится «Кортик жалованный, в ножнах. XVIII в.» (ГИМ 96006/857). Его длина – 51 см, длина клинка 40 см, ширина клинка – 2,1 см. У него на дужке написано «НАМСКОГО УЛ[УС]А МОДУЦКОЙ ВОЛОСТИ К[НЯЗЦУ?]». У этого кортика надпись на щитке более разборчива: «НАГРАЖДЕНЪ ЗА ИСПРАВНО И НА СРОКЪ ПЛАТЕЖЪ ВЪ КАЗНУ ЯСАКА»²².

Известны также кортики с надписями: «МАЙСКОГО ЗИМОВЬЯ 4 ЕЖАНСКОГО РОДУ КНАСЦУ»²³, «АЛАЗЕЙСКОГО ЗИМОВЬЯ, ЮКАГИРСКИЙ РОД» (НККМ-497)²⁴ и др. Все эти кортики объединены формой оформления рукояти и наличием надписей на дужке, щитке и клинке. В некоторых случаях, как, например, на кортиках из Хабаровского и Охотского музеев, щитки были утеряны, а клинки (вероятно, в XIX – начале XX вв.) были заменены на новые.

Интересно, что изображения на рукоятях пушных зверей, шкурками которых и собирался ясак, в мелких деталях различаются. Более того, в то время как кортики старост родов с Северо-Востока Сибири украшены изображениями пушных зверей из семейства куньих (в основном – соболя или горностая), на кортиках пеших эвенков с побережья Охотского моря представлены песцы или лисицы (ил. 3).



Ил. 3. Изображение пушного зверя (песца?) на эфесе кортика. Фото А. В. Храмова

В более позднее время форма эфеса менялась. В 1909 г. в Уягинском стойбище в Охотском уезде Р. Ю. Зонненбург описал кортик иного типа у старосты 2-го Гирбиканского рода: «Эфес – олень, портупей с изображением оленя (Охотский герб – олень), на клинке с одной стороны вырезан олень и цветочный орнамент, с другой же стороны – надпись: «1778, года, Марта 1-го. Жалованъ / (...) канцелярии Охоцкаго порта: / за верной и исправной принос / в казну Ясаковъ"»²⁵. Второй Гирбиканский род в материалах III и IV ревизий населения Иркутской губернии был указан уже среди родов «ясапных тунгусов» Охотского уезда²⁶.

В 1963 г. Владимир Алексеев, молодой колхозник оленеводческой артели имени XX партсъезда, нашел этот кортик в заброшенном лабазе в тайге у реки Наукичан и передал в Охотский музей²⁷. Длина кортика (ОМКПОФ 630) – 44 см, длина клинка – 33 см, длина рукояти – 11 см. Сама рукоять – литая, из металла желтого цвета, в виде бегущего оленя. Между клинком и рукоятью у него также помещен щиток, но уже с изображением оленя. На клинке выгравирована надпись «1778, ГОДА МАРТА 1-ГО, ЖАЛОВАНЪ ОТ КАНЦЕЛЯРИИ ОХОЦКАГО / ПОРТА. ЗА ВЕРНОЙ И ИСПРАВНОЙ ПРИНОС В КАЗНУ ЯСАКОВЪ». На другой стороне клинка выгравирован, вероятно, символ

с герба города Иркутска – «бабр (тигр) с соболем в зубах» и растительный орнамент²⁸.

Кортик из Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова с надписью: «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА УКЖУРСКОГО», вероятно, был изготовлен в Иркутске в 1771 г. вместе с целой серией жалованных кортиков, которыми в ходе ясачной реформы в Сибири награждались старосты (тайши, князцы, улусные головы, тоены) различных народностей Сибири. При разработке формы рукояти этих кортиков учитывались особенности географического положения этих родов, и пешие эвенки с побережья Охотского моря получили рукояти с изображением песцов (лис?), из которых часто и состоял их ясак. Жалованные кортики сибирских старост, несомненно, представляют собой не только образцы наградного оружия, но и предметы, отражающие процесс взаимодействия сибирской администрации с местными народностями Сибири и Дальнего Востока.

¹ Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927): с приложением карты северных окраин Дальне-Восточного края / РСФСР, Дальне-Восточный краевой стат. отдел ЦСУ. – Благовещенск, 1929 (2018). – LXVIII, 296, 54 с., 1 вкл. л. карт. в 2 крас. С. XX–XXI.

² Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822-1823-1830. – [1], 1014, [4] с. С. 359, 400.

³ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 11.

⁴ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 157.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о Сибири и Северо-Востоке). Магадан, 1983. С. 15, 159.

⁸ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. №3, 1966, С. 36.

⁹ Попова У. Г. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ Гурвич И. С. Указ. соч. С. 157.

¹¹ Кортик старосты Долганского рода (Электронный ресурс) // Museum.ru : [сайт]. [1996-2023]. URL: <http://www.museum.ru/C9912.htm> (дата обращения: 30.01.2023).

¹² Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 36.

¹³ Филиппова Л. Возвращаясь к прочитанному // Охотско-эвенская правда. 25 января 2020 г.

- ¹⁴ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. М., 1994. С. 104.
- ¹⁵ Гурвич И. С. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁶ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов под редакцией Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Издательство Института народов Севера ЦИК СССР. Л., 1935. С. 188.
- ¹⁷ Билибин Н. Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933. С. 43, 44.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.XLVII, отд. 2. СПб., 1875. С. 364–365.
- ¹⁹ Зонненбург Р. Ю. Из Якутско-Охотского края: путевые впечатления с постройки охотского телеграфа. Иркутск: Эл.-тип. С. А. Серебренникова, 1910. С. 60.
- ²⁰ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 36.
- ²¹ Наградной кортик (Ножны под номером КП-11865/2 Ор-78/2) (Электронный ресурс) // Госкаталог.RU : [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16440752.htm> (дата обращения: 30.01.2023).
- ²² Кортик жалованный, в ножнах. XVIII в. (Электронный ресурс) // Государственный исторический музей : [сайт]. [2018]. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3083265.htm> (дата обращения: 30.01.2023); Дуров В.А. Русское наградное оружие. Серия: Оружейное дело. М.: Фонд Русские Витязи, 2010. С. 300.
- ²³ Дуров В. А. Указ. соч. С. 301.
- ²⁴ Аллаи. Кортик. Нагрудное оружие-сабля (Электронный ресурс) // Госкаталог. RU : [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15405582.htm> (дата обращения: 30.01.2023).
- ²⁵ Зонненбург Р. Ю. Указ. соч. С. 60.
- ²⁶ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 35.
- ²⁷ Е. Ф. Мороков. В старом лабазе // Дальний Восток. № 5, 1964. С. 190–191.
- ²⁸ Кортик старосты Горбиканского рода. XVIII в. (Электронный ресурс) // Museum.ru : [сайт]. [1996–2023]. URL: <http://www.museum.ru/C9911.htm> (дата обращения: 30.01.2023).